

Максим Власов

**Разговор с
ДЬЯВОЛОМ**

**Одиннадцать протоколов о
природе зла**

18+

Максим Власов

Разговор с дьяволом

<https://litres.ru/74038149>

SelfPub; 2026

Аннотация

Криминальный психолог проводит одиннадцать бесед с убийцами, вскрывая анатомию зла. Каждый протокол показывает, как легко живой человек становится функцией или материалом. Но чем глубже герой погружается в чужие бездны, тем пугающе знакомым становится его собственный язык. Зло — не диагноз за стеклом, а дремлющая в каждом способность отменять реальность другого. Леденящий роман-досье о том, как наблюдатель незаметно начинает говорить голосом бездны.

Содержание

Пролог. Вход в отсек	4
Глава 1. Протокол № 014-А. «Механик»	12
Глава 2. Протокол № 022-В. «Пустота»	37
Глава 3. Протокол № 031-Л. «Должник»	66
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Разговор с дьяволом

Пролог. Вход в отсек

Меня предупредили, что он не будет говорить.

Это был не прогноз — это была формулировка из сопроводительного документа, составленного тремя специалистами за восемь месяцев до нашей встречи. Документ занимал сорок две страницы. На сорок второй, в разделе «Рекомендации по дальнейшей работе», стояло одно предложение:

Продуктивный контакт представляется маловероятным.

Я прочитал это трижды. Не потому что не понял — потому что хотел запомнить точно, чем именно я пренебрёг, когда всё равно попросил разрешения войти.

Блок усиленной изоляции находился в северном крыле. Коридор туда шёл под небольшим уклоном вниз — не физически, не измеримо, но ощущение снижения было. Может быть, это был свет: под потолком через равные промежутки висели лампы дневного типа, и каждая следующая казалась чуть тусклее предыдущей. Может быть, это был звук: он не исчезал, он становился другим — плотнее, без отражений, как будто стены начинали поглощать вместо того, чтобы отдавать.

Охранник шёл впереди. Не говорил ничего.

Я нёс с собой папку, диктофон и блокнот. Стандартный

набор. Я брал его на каждую первую встречу двадцать два года подряд, и папка успела смениться трижды, диктофон четырежды, блокнот — не считал. Что-то в этом наборе работало как якорь. Не защита — якорь. Способ напомнить себе, кто здесь специалист.

Охранник остановился у двери. Дверь была металлической, выкрашенной в серо-зелёный цвет, который в учреждениях такого типа, кажется, не менялся с советских времён. Он посмотрел на меня без особого выражения.

— Пятнадцать минут, — сказал он.

— Час, — ответил я. — В постановлении указан час.

— Пятнадцать минут вам хватит, — сказал он.

И открыл дверь.

Первое, что я зафиксировал: он уже смотрел на меня.

Не повернулся, когда я вошёл. Не поднял голову. Просто смотрел — как будто знал заранее, с какой стороны я появлюсь, в какую секунду, с каким выражением лица. Он сидел за столом, руки лежали перед ним на поверхности — спокойно, симметрично, почти демонстративно открыто. Человек, которому нечего скрывать не потому, что он честен, а потому что ему не нужно скрывать.

Я сел напротив.

Достал блокнот. Положил диктофон.

Он посмотрел на диктофон. Потом на меня. Ничего не сказал.

Я представился. Назвал своё имя, должность, основание

для встречи. Это была процедура — не для него, для записи. Он, очевидно, знал всё это лучше меня.

Он молчал.

Я открыл папку. Начал с нейтрального: как он себя чувствует, есть ли жалобы на условия содержания, нет ли проблем со здоровьем.

Он молчал.

Я не торопил. В работе с такими субъектами молчание — это тоже данные. Молчание агрессивное отличается от молчания выжидающего, выжидающее — от молчания пустого, пустое — от молчания намеренного. Его молчание было другим. В нём не было ни напряжения, ни демонстрации, ни скуки, ни расчёта — во всяком случае, ничего из того, что я умел читать.

Оно было просто молчанием.

Я перешёл к делу. Кратко, без нажима, обозначил темы, которые планировал затронуть. Говорил около четырёх минут. Он смотрел на меня всё это время — ровно, без смены точки фокуса, как смотрят на что-то, что нужно понять, но торопиться незачем.

Когда я замолчал, прошло несколько секунд.

Потом он сказал:

— Вы принесли блокнот.

— Да.

— Вы в него ещё не писали.

— Нет.

— Почему?

Я подумал. Это был хороший вопрос — не в смысле глупости, а в смысле точности. Я действительно ещё не писал. Обычно я делал первые пометки сразу, автоматически, как только садился. Сейчас нет.

— Не знаю, — сказал я. Это была правда.

Он слегка кивнул. Как будто это был правильный ответ.

Снова молчание. Но теперь оно было другим — не закрытым, а чем-то вроде паузы между двумя предложениями.

— Сколько у вас было таких бесед? — спросил он.

— Много.

— Сколько?

— Больше трёхсот.

Он обдумал это.

— И вы каждый раз приходили с блокнотом.

— Да.

— И каждый раз писали.

— Как правило.

— Но не сегодня.

Я не ответил. Он не ждал ответа.

Следующие двадцать минут он не говорил почти ничего. Односложные ответы на прямые вопросы. Иногда — тишина вместо ответа. Иногда — взгляд, который я затруднился бы описать профессиональным языком, хотя именно это и является моей профессией.

За двадцать два года работы я научился не заполнять пау-

зы. Научился ждать. Научился доверять тишине как инструменту — потому что большинство людей не выдерживают её и начинают говорить: оправдываться, объяснять, нападать, флиртовать с собственной значимостью.

Он не делал ничего из этого.

Он просто был в комнате. С полным, не демонстративным, совершенно спокойным присутствием человека, которому некуда торопиться не потому что у него нет дел, а потому что он давно перестал делить время на важное и неважное.

Я поймал себя на мысли, что не знаю, кто здесь проводит беседу.

За пять минут до конца отведённого времени он произнёс первую длинную фразу.

Не резко. Не с паузой для эффекта. Просто — как человек, который наконец решил сказать то, что думал с начала.

— Вы ведёте эту работу давно, — сказал он. — Вы хорошо в ней разбираетесь. Это видно.

Я ждал.

— Но я хочу вам кое-что сказать. Не как наблюдение о вас лично. Как наблюдение вообще.

— Говорите.

Он посмотрел на мои руки. Потом — на блокнот. Потом — на меня.

— Люди, которые занимаются такой работой, как ваша, — сказал он, — обычно говорят себе одно и то же. Что они при-

шли разобраться. Понять. Составить картину. Помочь следствию, науке, практике. Это правда — они действительно пришли за этим.

Пауза.

— Но есть кое-что ещё. Что-то, что они себе не говорят. Или говорят — но не так громко.

— И что это? — спросил я.

Он не торопился.

— Вы пришли не только выяснить, почему люди делают то, что делают, — сказал он наконец. — Вы пришли выяснить, почему вам так трудно от этого отвернуться.

Тишина.

Он не улыбнулся. Не откинулся назад с видом человека, только что произнёсшего нечто значительное. Он просто смотрел — с тем же ровным, нечитаемым вниманием, с каким смотрел с момента, когда я вошёл.

Как будто сказал что-то очевидное.

Как будто удивился бы, если бы я стал спорить.

Охранник открыл дверь раньше, чем я успел ответить.

— Время, — сказал он.

Я закрыл папку. Убрал диктофон. Встал.

Субъект не двинулся с места. Руки по-прежнему лежали симметрично на столе.

У двери я остановился. Обернулся — не знаю зачем. Это была не профессиональная необходимость.

Он всё ещё смотрел на меня.

— Я вернусь, — сказал я.

— Я знаю, — ответил он.

В коридоре я открыл блокнот.

Страница была пустой.

Я написал одно слово — не имя, не термин, не классификацию. Просто слово, которое пришло само, раньше мысли:

Осторожно.

Потом подумал ещё секунду.

И дописал под ним:

С собой.

Это был первый день из одиннадцати.

То, что следует дальше — это протоколы. Одиннадцать бесед с одиннадцатью людьми, каждый из которых совершил то, что закон называет тяжким преступлением, а я привык называть иначе: разными способами прекратить переживать другого человека как реального.

Я старался быть точным. Я старался не терять дистанцию. Я старался помнить, чем наблюдение отличается от участия, а понимание — от согласия.

Не всегда это удавалось в равной мере.

Читатель, который доберётся до последней страницы, поймёт почему.

Читатель, который не доберётся, — возможно, поступит мудрее.

М.А. Серов

Из предисловия к рабочим материалам

Дата не указана

Глава 1. Протокол № 014-А. «Механик»

Протокол № 014-А

Дата: 17.03.20—

Время начала: 14:20

Время окончания: 16:35

Место: ФКУ СИЗО-4, корпус Б, кабинет психологического сопровождения № 3

Основание: дополнительная психологическая экспертиза по постановлению следователя по особо важным делам Краснова В.И., постановление № 771/СО

Участники: эксперт-психолог Серов М.А.; субъект 014-А; сотрудник конвоя за стеклянной перегородкой

Запись: цифровой аудиофайл 014-А_1, 014-А_2; стенографическая расшифровка; рукописные пометки наблюдателя

Степень доступа: ограниченный, для служебного пользования

Примечание: беседа является третьей по счёту в рамках данной экспертизы; предыдущие две проводились коллегами-экспертами и признаны недостаточными для окончательного заключения

I. Статус субъекта

Субъект 014-А

Мужчина. 44 года. Уроженец Рязанской области. Среднее специальное образование — техник-механик, специализация холодильного и климатического оборудования. Работал по профессии двадцать один год, последнее место — сервисный центр, должность старшего механика. Характеристики с места работы: исполнительный, педантичный, конфликтов не допускал, держался особняком, сверхурочные брал охотно, в корпоративных мероприятиях участия не принимал. Женат, двое детей — сын шестнадцати лет и дочь двенадцати. Проживал совместно с семьёй.

Статья / статьи:

ч. 2 ст. 105 УК РФ — убийство двух и более лиц, совершённое с особой жестокостью; надругательство над телами умерших.

Подтверждённые эпизоды:

Три. Жертвы — супруга, 41 год; тесть, 68 лет; свояченица, 38 лет. Все — в пределах одного домохозяйства, в течение одного вечера.

Предполагаемые эпизоды:

Следствие рассматривало возможность причастности к исчезновению соседа по прежнему адресу проживания —

факт не доказан, субъект отрицает, материалы выделены в отдельное производство.

Предварительная оценка структуры личности:

Выраженная эмоциональная уплощённость при сохранном интеллекте в пределах нормы. Признаки шизоидной организации личности без психотической симптоматики. Межличностная дистантность не носит защитного характера — по всей видимости, является конституциональной. Аффективная жизнь бедная, не диссоциированная — просто бедная. Эмпатия в клиническом смысле: отсутствует как переживание, частично сохраняется как когнитивная функция. Мотивационная структура — инструментальная.

Особые примечания:

Субъект не проявлял агрессии в ходе предыдущих бесед. Не лгал активно — скорее уклонялся от развёрнутых ответов. Воспринимал вопросы о жертвах как технически нерелевантные. Интерес к собственному делу — низкий. К собственной судьбе — также.

II. Фабула дела

Вечером 11 сентября прошлого года субъект 014-А вернулся домой около восьми часов. По данным телефонной активности и показаниям соседей, в период с восьми до девяти тридцати в квартире происходил конфликт — были слышны голоса, один раз — громкий удар. В десять сорок пять

субъект позвонил в скорую. Когда бригада прибыла, он открыл дверь, провёл медиков в гостиную и произнёс фразу, которая впоследствии стала одной из ключевых в деле: «Они там». Не «что-то случилось». Не «помогите». «Они там» — как указание на местонахождение предмета.

В квартире были обнаружены тела троих: супруги, теща, находившегося в гостях, и свояченицы, приехавшей на выходные. Характер повреждений — множественная тупая травма головы, нанесённая инструментом, впоследствии идентифицированным как разводной ключ из домашнего инструментального набора субъекта. Следы постмортальных манипуляций с телами — задокументированы.

Субъект не предпринял попытки скрыться. Сидел на кухне, когда прибыли оперативники. Перед ним стояла чашка чая.

На вопрос дежурного следователя «что произошло» субъект ответил: «Проблема с долгом. Я её решил».

Долг — восемьдесят семь тысяч рублей, взятые у тестя два года назад на ремонт автомобиля. По материалам дела, тесть периодически напоминал о долге при встречах. Свидетели характеризуют эти напоминания как «обычные», «не агрессивные», «в рамках нормального разговора».

Версия следствия: в вечер преступления между субъектом и тестем произошёл очередной разговор о долге. Субъект принял решение, взял инструмент и последовательно убил всех троих находившихся в квартире — по всей види-

мости, руководствуясь логикой устранения свидетелей.

Версия субъекта: «Так правильное было».

III. Транскрипция беседы

Начало записи. 14:23.

Субъект вошёл без конвоира — его сопроводили до двери. Прошёл к столу, сел. Осмотрел комнату коротко, без интереса — скорее по привычке фиксировать параметры нового пространства. Кивнул мне. Не поздоровался — кивнул. Как человек, которого позвали, и он пришёл.

Серов: Игорь Валентинович, мы с вами видимся в третий раз, но первый — со мной. Меня зовут Михаил Андреевич. Я работаю по поручению следствия, цель беседы — психологическая экспертиза. У вас нет обязанности отвечать на вопросы, которые кажутся вам неуместными.

014-А: Понятно.

Серов: Как вы себя чувствуете?

014-А: Нормально.

Серов: Спите хорошо?

014-А: Да.

Серов: Питание устраивает?

014-А: В целом да. Каша иногда пересолена.

Серов: Отмечу. [пауза] Игорь Валентинович, я прочитал материалы ваших предыдущих бесед. И дело — полностью. У меня есть несколько вопросов, которые мне важно задать не для протокола следствия, а для понимания. Вы не против?

014-А: Спрашивайте.

Серов: Расскажите мне про ключ.

014-А: [пауза около трёх секунд] Что именно?

Серов: Почему именно ключ? Из всего, что было в квартире.

014-А: Он был в коридоре. В ящике.

Серов: То есть — просто под рукой?

014-А: Да.

Серов: Вы не думали заранее о том, что возьмёте?

014-А: Нет.

Серов: Когда вы решили?

014-А: Когда понял, что нужно.

Серов: Понял — в какой момент вечера?

014-А: [без паузы] Когда Семён Аркадьевич начал говорить про деньги.

Серов: Это ваш тесть.

014-А: Да.

Серов: Он часто про это говорил?

014-А: Периодически.

Серов: И в этот раз что-то было иначе?

014-А: [пауза около пяти секунд. Смотрит на стол] Нет. В этот раз — так же. Просто я уже понял, что так будет всегда.

Серов: Что именно — «так»?

014-А: Что будет напоминать. Каждый раз. Пока не отдам. А я не мог отдать.

Серов: Почему не могли?

014-А: Не было.

Серов: Денег?

014-А: Да. Ну и... [пауза] Не было уже в ближайшей перспективе. Я прикидывал.

Серов: Значит, вы понимали, что ситуация с долгом не изменится скоро.

014-А: Да.

Серов: И вы решили её изменить.

014-А: Да.

[Пауза. Серов не заполняет её.]

014-А: [негромко, не как дополнение — как уточнение] Это было логично.

Здесь я впервые зафиксировал слово, которое потом встречалось в его речи ещё семь раз. «Логично». Не «правильно», не «вынужденно», не «иначе нельзя было». «Логично» — как если бы речь шла о задаче, у которой существует решение, и он его нашёл.

Серов: Игорь Валентинович, когда вы говорите «решить ситуацию» — что вы имеете в виду конкретно?

014-А: [смотрит на меня с лёгким удивлением] Ну... убрать то, что мешало.

Серов: «То» — вы сейчас сказали «то».

014-А: [небольшая пауза] Ну... людей, которые мешали.

Серов: Семёна Аркадьевича.

014-А: Да.

Серов: И вашу жену.

014-А: Она бы рассказала. Потом.

Серов: Кому?

014-А: Всем. В полицию бы пошла. Она такая была.

Серов: «Такая» — это какая?

014-А: [пауза] Принципиальная.

Серов: А свояченица?

014-А: Была рядом. Видела.

[Тишина. Около восьми секунд.]

Серов: То есть — она оказалась в ситуации случайно?

014-А: Можно так сказать.

Серов: Игорь Валентинович, она приехала к вам в гости.

К вашей жене. Её звали Людмила.

014-А: Я знаю, как её звали.

Серов: Вы хорошо её знали?

014-А: Двадцать лет. Почти.

Серов: Двадцать лет — и «была рядом».

014-А: [тихо, без раздражения] Я понимаю, что вы хотите сказать.

Серов: Что я хочу сказать?

014-А: Что это... нехорошо. Что она ни при чём. [пауза] Я понимаю. Но иначе не получалось.

Серов: Что не получалось?

014-А: Убрать проблему полностью.

Снова — «убрать проблему». Людмила, которую он знал двадцать лет, стала частью «проблемы» не потому что что-то сделала. Потому что оказалась в комнате.

Я записал в блокноте одно слово: «периметр». Он думал

периметром задачи. Кто внутри — часть задачи. Независимо от того, кем был до этого.

Серов: Игорь Валентинович, я хочу понять кое-что. Вы сказали — «иначе не получалось». Вы думали о других вариантах?

014-А: Думал.

Серов: Каких?

014-А: Уехать. Но куда — непонятно. Работа здесь, дети учатся. [пауза] Объявить себя банкротом — но тогда потеряешь всё, что есть. А там немного, но всё равно.

Серов: Договориться с тестем — об отсрочке, о частичном погашении?

014-А: Это было сделано. Неоднократно.

Серов: И что?

014-А: Он соглашался. Потом через какое-то время снова начинал.

Серов: То есть вы пробовали договориться?

014-А: Да.

Серов: Но решили, что этот путь закрыт.

014-А: Да.

Серов: И из всех оставшихся вариантов — выбрали этот.

014-А: Да.

Серов: Игорь Валентинович, а вариант просто... жить с этим долгом — не рассматривался?

[Первая долгая пауза. Около двенадцати секунд. Субъект смотрит в сторону, потом — обратно на меня.]

014-А: Это не вариант.

Серов: Почему?

014-А: Потому что оно не заканчивалось бы. Это бы так и висело.

Серов: Висело — где?

014-А: [с лёгким раздражением, первым за всю беседу] Ну... везде. В голове.

Серов: Вас беспокоило, что это будет в голове?

014-А: Да. Это мешало.

Серов: Работать мешало?

014-А: Работать. Спать. Просто... функционировать нормально.

«Функционировать нормально». Я остановился на этой фразе. Для него убийство троих людей, двадцать лет из которых он знал одного и двадцать один год прожил с другой, — было решением проблемы функционирования. Не ярость. Не ненависть. Не страдание даже — своё собственное. Дискомфорт. Помеха нормальной работе системы.

Я впервые за долгое время не знал, что писать в блокноте.

Серов: Игорь Валентинович, вы сейчас сказали, что долг «мешал». Я хочу уточнить. Когда вы в тот вечер взяли ключ — что вы чувствовали?

014-А: [думает] В каком смысле?

Серов: В прямом. Что было внутри?

014-А: [долгая пауза. Около десяти секунд. Кажется, он искренне пытается вспомнить и ответить точно] Сосредото-

ченность. Наверное.

Серов: Не страх?

014-А: Нет.

Серов: Не злость?

014-А: [качает головой] Нет.

Серов: Не... что-то ещё?

014-А: Нет. Просто — надо было делать, и я делал.

Серов: Вы думали о том, что будет потом?

014-А: Думал.

Серов: О чём?

014-А: Что позвоню. В скорую или в полицию. Что скажу, что произошло. Что это будет суд. [пауза] Я понимал, что будет суд.

Серов: Вас это... пугало?

014-А: [почти удивлённо] Нет.

Серов: Почему?

014-А: Потому что... [пауза] Потому что это было правильное решение. А за правильное решение — ну, будут последствия. Я был готов.

Серов: Правильное решение — это убить троих людей.

014-А: [без малейшей агрессии, почти терпеливо] Правильное решение в той ситуации — да.

Он сказал это без защиты. Без морального ухода. Без попытки смягчить. Просто — как человек, которого спросили, правильно ли он затянул болт, и он ответил: да, момент затяжки соответствовал требованиям.

Я почувствовал что-то, что заняло у меня некоторое время, чтобы идентифицировать это чувство. Не страх. Не отвращение. Что-то похожее на головокружение — как бывает, когда смотришь вниз с большой высоты и осознаёшь, что высота реальна.

Серов: Игорь Валентинович, я хочу вас спросить о Людмиле. Отдельно.

014-А: Хорошо.

Серов: Вы сказали — двадцать лет знали её.

014-А: Да.

Серов: Как она была — как человек?

014-А: [пауза. Первый раз за беседу что-то похожее на обдумывание не задачи, а содержания] Нормальная. Тихая. Работала учителем. Математика, кажется. Или физика. [пауза] Математика.

Серов: У неё были дети?

014-А: Двое. Взрослые уже.

Серов: Вы их знаете?

014-А: Видел несколько раз. На праздниках.

Серов: Они знают теперь, что произошло?

014-А: [очень тихо] Наверное.

Серов: Игорь Валентинович — вы думаете о них?

[Долгая пауза. Пятнадцать секунд — почти рекорд для этой беседы.]

014-А: [тихо, без интонации] Иногда.

Серов: И что вы думаете?

014-А: [ещё тише] Что неудобно получилось.

«Неудобно получилось».

Я записал это дословно. Подчеркнул дважды.

Людмила, учитель математики, мать двоих взрослых детей, которую он знал двадцать лет. «Неудобно получилось». Не вина. Не сожаление в привычном смысле. Что-то вроде признания технической погрешности — когда решение было правильным, но имело нежелательный побочный эффект.

Он не был жесток к Людмиле. Он был к ней равнодушен так абсолютно, что даже факт её смерти не мог пробить эту поверхность.

Серов: Игорь Валентинович, вы сейчас сказали «неудобно». Что вы имеете в виду?

014-А: Ну... она ни при чём была. Я понимаю. Просто — так вышло.

Серов: Вам жаль её?

[Пауза. Около восьми секунд.]

014-А: Я... не знаю.

Серов: Как — не знаете?

014-А: Ну, я понимаю, что должно быть жаль. [пауза] Но я не знаю, есть ли оно. Жаль.

Серов: Вы пытаетесь его найти?

014-А: [очень тихо] Пытаюсь.

[Тишина. Семь секунд.]

014-А: Не нахожу.

Это, пожалуй, был единственный момент в беседе, когда

я почувствовал нечто похожее на его внутренний контакт с происходящим. Не раскаяние — нет. Но что-то: осознание разрыва между тем, что должно быть, и тем, что есть. Осознание пустоты на месте чего-то.

Он не притворялся. Он действительно искал и не находил. И это было, как ни странно, страшнее всего остального.

Серов: Игорь Валентинович, я хочу спросить о ваших детях.

014-А: [сразу, без паузы] Не надо.

Серов: Почему?

014-А: [первый раз что-то твёрдое в голосе. Не агрессивное — просто закрытое] Это отдельно.

Серов: Хорошо. [пауза] Один вопрос только — вы думаете о них?

014-А: Да.

Серов: Часто?

014-А: Каждый день.

[Тишина.]

Серов: Игорь Валентинович, я хочу понять. Ваша жена была их матерью.

014-А: [долгое молчание. Смотрит в стол] Я знаю.

Серов: И вы думаете о детях каждый день.

014-А: Да.

Серов: Как это сочетается — в вашей голове?

[Самая долгая пауза беседы. Двадцать две секунды по моему счёту. Он не смотрит на меня. Смотрит в стол, потом в

стену — не изучает, просто не смотрит на меня.]

014-А: [очень тихо, почти неслышно] Не сочетается.

Это была единственная трещина.

За два часа — одна. Маленькая. Не разлом — трещина. Место, где что-то не сошлось. Где задача нарушила собственную логику, потому что задача затронула то, что он, по всей видимости, не смог полностью перевести в категорию задачи.

Своих детей — не смог.

Это не реабилитирует его. Но это делает его чуть более понятным. И от этого — чуть более страшным.

Серов: Игорь Валентинович, последний вопрос на сегодня. Если бы вы могли вернуться в тот вечер — вы бы что-то сделали иначе?

[Пауза. Около семи секунд.]

014-А: Наверное, лучше бы убедился, что Люда не придет в тот день.

[Тишина.]

Серов: Только это?

014-А: [думает. По-настоящему думает — не уходит от вопроса] Ещё... наверное, предупредил бы соседей, чтобы не беспокоились. Они шумные у нас. Мог быть лишний звонок в полицию раньше времени.

Серов: То есть — сделали бы то же самое, но аккуратнее.

014-А: [почти удивлённо] Ну да. А что не так?

Конец беседы. 16:35.

IV. Невербальный паттерн

Субъект физически расслаблен на всём протяжении беседы. Поза не менялась принципиально — лёгкий наклон вперёд, руки на столе или сложены перед собой. Это не напряжённая неподвижность человека, контролирующего себя. Это естественная расслабленность человека, которому не о чем беспокоиться в моторном смысле.

Зрительный контакт — умеренный, ровный. Не избегает взгляда, не удерживает его демонстративно. Смотрит, как смотрят на техническое задание: достаточно долго, чтобы понять, и переключается, когда понял.

Реакции на имена:

— «Семён Аркадьевич» — ноль реакции;

— «Людмила» — едва заметное замедление дыхания при первом упоминании, в дальнейшем — нет;

— имена детей не произносились — субъект закрыл тему до этого.

Единственный явный аффективный сигнал: при вопросе о детях и последующем молчании на двадцать две секунды — незначительное напряжение жевательных мышц, взгляд уходит вниз и остаётся там. Руки перестают двигаться. Это не диссоциация. Это — единственное место, где что-то внутри требует усилия.

На слово «жаль» — долгая пауза и искренняя, по всей видимости, попытка идентифицировать у себя это чувство. Безуспешная. Физически — ничего.

На вопрос «что вы чувствовали, когда взяли ключ» — три-четыре секунды внутреннего поиска, потом ответ: «сосредоточенность». Вероятно, это точное описание того, что было.

V. Линии лжи и защиты

Субъект практически не лжёт в классическом смысле. Это важно зафиксировать отдельно, потому что работа с ложью — это стандартный инструмент в таких беседах, и здесь он почти не нужен.

Он не преуменьшает. Не отрицает факты. Не строит альтернативных версий. Не ищет смягчающих обстоятельств в привычном смысле — не говорит «я был в состоянии аффекта», «я не понимал, что делаю», «что-то на меня нашло».

Его защитные механизмы работают иначе:

Инструментальная редукция. Жертвы последовательно переводятся в категорию «то, что мешало» или «то, что видел». Не люди с историей, с детьми, с жизнью — а элементы ситуации. Людмила стала «проблемой полного решения» не потому что он её ненавидел, а потому что попала в периметр задачи.

Логическое обрамление. Каждое действие объясняется через причинно-следственную цепочку, которая внутри своей системы безупречна: долг → напряжение → невозмож-

ность разрешения → устранение источника. Логика не нарушена нигде. Нарушена только исходная посылка: что люди — это не элементы уравнения.

Отсутствие морального регистра как защита. Это самое сложное для описания. Обычно защитные механизмы — это активные процессы: вытеснение, проекция, рационализация. Здесь — пассивное. Моральный регистр не вытесняется. Он просто не включается. Нет того, от чего защищаться.

Единственная зона, где защита активна: дети. Здесь субъект закрывается — не агрессивно, но твёрдо. «Это отдельно». Вероятно, это единственная область, где произошедшее не поддаётся инструментальной обработке. Где задача нарушает собственную логику.

VI. Контрперенос специалиста

Личные рабочие заметки. М.А. Серов. Не для включения в официальное заключение.

Первый час беседы я работал в стандартном режиме. Отслеживал речь, фиксировал паузы, строил следующий вопрос на основе предыдущего ответа. Всё шло как обычно.

Примерно на сорок пятой минуте — когда он сказал про Людмилу «неудобно получилось» — я заметил у себя нечто неожиданное: раздражение. Не профессиональное, не контролируемое. Обычное, тупое раздражение. Как бывает, когда человек говорит что-то настолько не то, что хочется его перебить.

Я не перебил. Записал слово и пошёл дальше.

Но раздражение осталось. И я потом разбирался, откуда оно.

Думаю, вот откуда: я привык к тому, что люди, совершившие подобное, что-то скрывают. Лгут, уклоняются, конструируют, защищаются. В этом есть своя логика — и с ней можно работать. Ложь предполагает знание правды. Защита предполагает то, от чего защищаются.

Здесь не было ни того, ни другого.

И это выбивало почву из-под ног привычнее, чем любая агрессия.

Около пятидесятой минуты я поймал себя на том, что задаю следующий вопрос в его системе координат — уточняю детали «ситуации», словно принял его фрейм. Вовремя остановился, переформулировал. Но это был знак.

На вопросе о детях — двадцать две секунды молчания — я почувствовал нечто, что не сразу опознал. Потом понял: облегчение. Я почувствовал облегчение от того, что где-то внутри у него есть трещина. Что дети пробивают его сознание туда, куда ничто другое не доходит.

Это облегчение было профессионально нечестным. Потому что трещина в его логике не возвращает Людмилу. Не возвращает жену. Не возвращает тестя.

Но я почувствовал его.

И ещё одно. В самом конце, когда он сказал «а что не так» на вопрос о том, что он переделал бы «аккуратнее», — у ме-

ня не было слов. Не потому что я растерялся. Потому что слова из моего обычного словаря не попадали в то место, куда нужно было попасть.

Мне захотелось сказать что-то простое. Не профессиональное.

Я не сказал.

Протокол закрыл в 16:35.

В 16:40 вышел на улицу. Постоял. Закурил — хотя бросил три года назад.

VII. Аналитическое резюме

Ведущий механизм: инструментальная редукция человека к элементу ситуации.

Это не психопатия в классическом, клинически строгом смысле — хотя поверхностно может восприниматься именно так. Классическая психопатия предполагает активную эксплуатацию других, манипулятивность, грандиозность, часто — удовольствие от нарушения правил. Ничего из этого здесь нет.

Здесь — другое. Назовём это функциональной аннигиляцией субъектности другого: состояние, при котором другой человек не вытесняется, не обесценивается, не ненавидится — просто не переживается как внутренне реальный. Он существует как элемент внешней среды. С элементами среды можно взаимодействовать, их можно устранять, если они мешают — без злобы, без удовольствия, без конфликта.

Эмоциональная организация:

Аффект не диссоциирован — он просто беден. Это конституциональная особенность, а не результат защитного вытеснения. Он не «отключает» чувства перед тем, как действовать. Чувств, которые нужно было бы отключать, не было.

Единственное исключение — дети. Эта область не поддаётся инструментальной обработке. Здесь аффект есть, и субъект закрывает тему — единственный раз за всю беседу. Вероятная интерпретация: дети — это единственный объект привязанности, который был реальным для него в полном смысле. Всё остальное — жена, тесть, свояченица — существовало в иной категории.

Мотивация:

Не ненависть. Не месть. Не удовольствие. Не страх в аффективном смысле.

Мотивация — устранение помехи. Долг был помехой нормальному функционированию. Люди, связанные с долгом, стали периметром помехи. Устранение периметра — решение задачи.

Это не метафора и не художественный приём. Это буквальное описание его внутренней логики — той, которую он сам воспроизвёл в разговоре, не понимая, насколько она обнажает суть.

Отношение к жертвам:

Дифференцировано по степени «релевантности» для задачи:

тесть — источник проблемы;

жена — вероятный свидетель с предсказуемым поведением [«принципиальная»];

Людмила — «оказалась рядом».

Людмила, которую он знал двадцать лет, стала элементом ситуации не потому что он её ненавидел, а потому что она оказалась в периметре в момент, когда периметр был определён.

Отсутствие раскаяния:

Не защитное вытеснение. Отсутствие субстрата, на котором раскаяние могло бы вырасти. Раскаяние требует: переживание другого как реального → осознание, что ты причинил ему вред → аффективный отклик на это. Первый элемент цепочки отсутствует. Остальные не запускаются.

При этом — когнитивное понимание нормы сохранено. Он знает, что «должно быть жаль». Он искал это чувство. Не нашёл.

Это разрыв между знанием нормы и способностью её переживать — один из самых точных маркеров той формы аморальности, которая не является ни безумием, ни злым умыслом в привычном смысле.

Прогноз:

Субъект не опасен в ситуациях, где нет «помехи». Он не агрессивен структурно. Но его опасность не в агрессии — в логике. В том, что при наличии задачи и человека в периметре задачи — порог, который останавливает большинство людей, у него не активируется.

VIII. Философская маргиналия

Иммануил Кант сформулировал это в 1785 году — в «Основах метафизики нравственности». Второй формулой категорического императива: поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своём лице, и в лице всякого другого также как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству.

Эта формула стала фундаментом западной этики. На неё ссылаются в судах. Её преподают в университетах. Её цитируют в речах о правах человека.

И она предполагает нечто, что кажется самоочевидным, пока не встретишь человека, у которого этого нет: она предполагает, что другой человек переживается как внутренне реальный. Что за его лицом — не просто лицо, а что-то, что откликается на твоё действие. Что его боль — реальна, его жизнь — реальна, его будущее — реально.

Кант называл это достоинством — тем, что не имеет цены и не может быть обменяно ни на что.

Субъект 014-А не нарушил кантовский принцип. Он его не имел.

Это принципиальное различие. Нарушение предполагает знание правила и отказ от него — в порыве, из корысти, из слабости. Это — человеческое. Это лечится, наказывается, осуждается, и весь аппарат морали настроен именно на это.

Но что происходит, когда правило не нарушено — а просто не присутствует? Когда другой человек с самого начала не занимает того места в сознании, где Кант предполагал его увидеть?

Тогда весь этот аппарат — суд, мораль, осуждение, раскаяние — работает вхолостую. Обращается к инстанции, которой нет.

Есть соблазн сказать, что субъект 014-А — исключение. Патология. Статистическая погрешность. Человек, у которого что-то сломано — и именно поэтому он сделал то, что сделал.

Это частично правда. Его эмоциональная организация — редкость.

Но редкость не в том, в чём кажется.

Редкость — в степени. Не в самом явлении.

Потому что способность переводить другого человека из субъекта в элемент ситуации — это не уникальный дефект. Это функция, которая в той или иной мере присутствует в каждом сознании. Мы делаем это с незнакомцами в пробке. С людьми, которых не видим, принимая решения. С теми, кто «не наши». С теми, кто мешает.

Обычно — в маленьких дозах. Обычно — останавлива-

емся. Обычно — что-то активизируется раньше, чем дело заходит далеко.

У субъекта 014-А это «что-то» не активировалось.

Вопрос не в том, что именно сломалось у него.

Вопрос в том, что именно работает у нас — и почему мы так редко знаем, что именно.

Людмила Игоревна К., учитель математики, мать двоих детей, приехала к сестре на выходные.

Ей было тридцать восемь лет.

Это не деталь. Это человек.

Я пишу это здесь — не в официальном заключении, а в этих заметках — потому что в какой-то момент беседы заметил, что начал думать о ней как о «третьей жертве». Категория вместо лица.

Это произошло быстро. Почти незаметно.

Именно поэтому я и пишу это здесь.

Протокол № 014-А закрыт.

М.А. Серов

17.03.20—

Глава 2. Протокол № 022-В. «Пустота»

Протокол № 022-В

Дата: 04.04.20—

Время начала: 11:05

Время окончания: 13:10

Место: ФКУ СИЗО-1, корпус В, кабинет психологического сопровождения № 7

Основание: психологическая экспертиза в рамках предварительного следствия; определение степени осознанности действий и оценка мотивационной структуры личности; постановление следователя Громовой Е.С., постановление № 334/СО

Участники: эксперт-психолог Серов М.А.; субъект 022-В; сотрудник конвоя за стеклянной перегородкой

Запись: цифровой аудиофайл 022-В_1, 022-В_2; стенографическая расшифровка; рукописные пометки наблюдателя

Степень доступа: ограниченный, для служебного пользования

Примечание: первая беседа в рамках данной экспертизы. Предыдущие контакты субъекта со специалистами — два сеанса с дежурным психологом следственного изолятора, оба

охарактеризованы как «практически безрезультатные».

Субъект формально контактен, на вопросы отвечает, однако содержательного материала предыдущие беседы не дали.

I. Статус субъекта

Субъект 022-В

Мужчина. 23 года. Уроженец Новосибирска. Неполное высшее образование — поступил на факультет информационных технологий, бросил после второго курса без объяснения причин. Нигде не работал официально, занимался разовыми подработками через интернет — верстал сайты, тестировал программное обеспечение, выполнял мелкие технические задания. Проживал один, снимал однокомнатную квартиру на окраине города. Родители живы, в разводе с 2009 года, контакт с ними субъект характеризует как «минимальный». Близких друзей, по данным следствия, не имел. Девушки не было. Социальная жизнь — практически отсутствовала; основное время проводил дома, в интернете.

Статья / статьи:

ч. 1 ст. 105 УК РФ — убийство.

Подтверждённые эпизоды:

Один. Жертва — мужчина, 54 года, случайный прохожий, не знакомый субъекту. Имя — Андрей Николаевич Волков.

Пенсионер МВД, выходил вечером за хлебом.

Предполагаемые эпизоды:

В ходе следствия рассматривалась возможность других эпизодов — на основании найденных на компьютере субъекта материалов. Версия не подтверждена, производство прекращено за отсутствием доказательств.

Предварительная оценка структуры личности:

Выраженная социальная изоляция при сохранном интеллекте выше среднего. Аффективная жизнь глубоко обеднена — не в результате травмы или диссоциации, а конституционально. Признаки шизоидной акцентуации, не достигающей уровня расстройства. Межличностный контакт формально доступен, содержательно — пуст. Эмпатия: клинически нефункциональна. Самооценка — ни заниженная, ни грандиозная: субъект производит впечатление человека, которому этот вопрос попросту неинтересен. Мотивационная структура — наиболее сложная для анализа из всех встреченных в моей практике.

Особые примечания:

Субъект не агрессивен, не манипулятивен, не театрален. Не избегает контакта — просто почти не нуждается в нём. Говорит ровно, без интонационных перепадов. Производит впечатление человека, который отвечает на вопросы не по-

тому что хочет, а потому что вопросы задают и логично на них отвечать. Наиболее точная метафора: разговор с хорошо настроенной, но внутренне пустой системой.

II. Фабула дела

Вечером 14 января субъект 022-В вышел из своей квартиры около восьми часов. По данным видеонаблюдения, он шёл по улице около двадцати минут без видимой цели — не в магазин, не к остановке, просто шёл. На углу улицы Строителей и Парковой аллеи он остановился. Там же остановился Андрей Николаевич Волков — пенсионер, выходявший за хлебом в соседний магазин. Их остановки совпали по времени случайно: Волков ждал зелёного сигнала светофора.

Субъект ударил его сзади — тупым предметом, гаечным ключом, который принёс с собой из дома. Удар был один, но достаточной силы. Волков упал. Субъект постоял рядом около сорока секунд — это зафиксировала камера — и ушёл. Не побежал. Ушёл обычным шагом, в ту же сторону, откуда пришёл.

Волков скончался в больнице через два часа, не приходя в сознание.

Субъект был задержан на следующий день в своей квартире. Дверь открыл сам, на вопрос оперативника «вы знаете, зачем мы пришли» ответил: «Наверное, из-за вчерашнего». Сопrotивления не оказал.

На первом допросе на вопрос о мотиве сказал: «Хотел посмотреть, как это».

Следователь переспросил: «Как — что?»

Субъект ответил: «Как это — убить».

Больше он на этой теме не распространялся.

Гаечный ключ лежал дома, на кухонном столе. Он не пытался его спрятать.

III. Транскрипция беседы

Начало записи. 11:09.

Субъект вошёл и сел так, как садятся в приёмной: аккуратно, не занимая лишнего пространства, не касаясь спинки стула. Не осматривал комнату. Посмотрел на меня — коротко, без интереса, как смотрят на элемент интерьера, который нужно зафиксировать, чтобы не спотыкаться. Потом посмотрел в окно. За окном была стена.

Я представился. Объяснил цель беседы. Он кивнул.

Серов: Антон, как вы себя чувствуете?

022-В: Нормально.

Серов: Спите хорошо?

022-В: Да.

Серов: Как вам здесь — в целом?

022-В: [пауза около трёх секунд] Тихо.

Серов: Тихо — это хорошо?

022-В: Да.

Серов: Вы привыкли к тишине?

022-В: Да.

Серов: Дома тоже было тихо?

022-В: В основном.

Серов: Музыку слушали? Телевизор?

022-В: Иногда. Не часто.

Серов: Что слушали?

022-В: [пауза] Разное. В зависимости от... [пауза] Не знаю.

Просто разное.

Уже в первые пять минут стало понятно: молчание здесь — не сопротивление. Не защита. Просто — его естественный ритм. Он не тянет время, не подбирает слова, не уклоняется. Слова у него просто заканчиваются раньше, чем у большинства людей. Как будто внутреннее пространство, из которого обычно берётся речь, — меньше стандартного.

Серов: Антон, я прочитал материалы вашего дела. И хочу поговорить с вами — не как следователь, не о юридических деталях. Мне интересно понять вас как человека. Вы не против?

022-В: Нет.

Серов: Тогда расскажите мне про тот вечер. Четырнадцатого января. Не то, что вы уже рассказывали следствию — а как вы его помните сами. С начала.

022-В: [пауза около пяти секунд] С какого начала?

Серов: С того момента, когда вы решили выйти.

022-В: Я просто вышел.

Серов: Что значит «просто»? Что предшествовало?

022-В: [думает] Я сидел дома. Работал немного. Потом... не работал. Смотрел в экран. Потом решил выйти.

Серов: Почему решили выйти?

022-В: Не знаю. Просто захотел пройтись.

Серов: Часто так бывало — выходили вечером?

022-В: Иногда.

Серов: И обычно что делали на прогулке?

022-В: Ходил. Смотрел.

Серов: На что смотрели?

022-В: [пауза] На всё. Ни на что конкретное. Просто — смотрел.

Серов: В тот вечер вы взяли с собой ключ.

022-В: Да.

Серов: Когда взяли?

022-В: Перед выходом.

Серов: Зачем?

022-В: [очень короткая пауза — почти незаметная] Потому что решил.

Серов: Решили сделать это в тот вечер?

022-В: Да.

Серов: Это было спонтанно — или вы думали об этом раньше?

022-В: [долгая пауза. Около восьми секунд] Думал.

Серов: Давно?

022-В: Примерно... [пауза] Месяца три.

Серов: Три месяца думали об этом?

022-В: Ну — не постоянно. Периодически.

Серов: О чём именно вы думали?

022-В: [пауза] О том, как это — сделать.

Серов: Как технически — или как это будет ощущаться?

022-В: [думает] И то, и другое, наверное.

Серов: Что вас интересовало больше?

022-В: [очень долгая пауза. Около двенадцати секунд.

Смотрит в сторону] Второе.

Серов: Как это будет ощущаться.

022-В: Да.

Серов: Расскажите подробнее — что именно вы хотели понять?

022-В: [пауза] Ну... я не знал, что это такое. Убить. Что при этом чувствуешь. Это было... [пауза] Непонятно.

Серов: Непонятно — и вы хотели понять.

022-В: Да.

Серов: Как исследователь — хотел понять явление?

022-В: [кажется, обдумывает эту формулировку] Наверное. Что-то вроде того.

Здесь я остановился внутренне. «Что-то вроде того» — он почти согласился с формулировкой «исследователь». Это не было самооправданием. Это было — насколько я мог судить — действительно точным описанием его позиции. Он шёл убить человека так, как другой человек идёт ставить эксперимент: из интереса к результату, без личного отношения к материалу.

Слово «материал» я записал и остановился. Я снова думал их языком.

Серов: Антон, вы знали того человека? Волкова?

022-В: Нет.

Серов: Видели его раньше?

022-В: Нет.

Серов: Почему именно он?

022-В: [пауза] Оказался рядом.

Серов: Просто оказался рядом.

022-В: Да.

Серов: То есть — мог быть кто угодно?

022-В: [небольшая пауза] Да.

Серов: Вам это не кажется... [пауза] важным?

022-В: [смотрит на меня с лёгким, искренним, почти детским недоумением] В каком смысле?

Серов: В смысле того, что погиб конкретный человек. Не «кто угодно» — а Андрей Николаевич Волков. Пятьдесят четыре года, бывший офицер, выходил за хлебом.

022-В: [пауза около десяти секунд. Смотрит в сторону] Я понимаю, что это конкретный человек.

Серов: И?

022-В: [тихо] И ничего.

Серов: «Ничего» — это...?

022-В: Я понимаю это. Но я это... [очень долгая пауза, около пятнадцати секунд] не чувствую так, как вы имеете в виду.

Серов: Как я имею в виду?

022-В: Ну... что это важно. Что это... [ищет слово] меняет что-то.

Серов: Для вас это не меняет ничего?

022-В: [очень тихо] Не знаю.

Снова — «не знаю». Не как уклонение. Как честный ответ человека, который заглянул внутрь и не нашёл там того, что ожидалось.

Меня начало охватывать нечто, что я идентифицировал только позже. Не страх. Не отвращение. Что-то вроде физиологического дискомфорта — как бывает в очень большой тишине, когда начинаешь слышать собственный пульс и это неприятно.

Серов: Антон, я хочу понять кое-что. Вы сказали — думали об этом три месяца. За эти три месяца — вы думали о том, что будет с тем человеком, с которым вы такое сделаете?

022-В: [пауза] В смысле — что с ним будет?

Серов: Ну — что он умрёт. Что у него, возможно, есть семья. Что кто-то будет ждать его дома.

022-В: [думает. По-настоящему думает — не отмахивается] Я думал о том, что он умрёт. [пауза] О семье — нет. Не думал.

Серов: Почему?

022-В: [долгая пауза] Это... не входило в то, о чём я думал.

Серов: Объясните — как это?

022-В: [ищет слова, явно прилагает усилие] Ну... я думал о том, что произойдёт. О самом... действии. И о том, что я почувствую. А... остальное [пауза] не входило в это.

Серов: «Остальное» — это другой человек.

022-В: [пауза] Да.

Серов: Он не входил в то, о чём вы думали.

022-В: [очень тихо] Нет.

Я записал это дословно и подчеркнул.

Не «я не думал о нём, потому что это было неприятно».

Не «я вытеснял мысли о нём». Он просто — не входил. Как не входит в расчёт вес тумбочки, когда думаешь о маршруте поездки. Не потому что это неважно. Просто это другая система.

Серов: Антон, в тот момент, когда это произошло — что вы почувствовали?

022-В: [долгая пауза. Около десяти секунд] Ничего особенного.

Серов: Совсем?

022-В: Ну... [думает] Немного странно было.

Серов: Странно — это как?

022-В: Ну... что это так просто. Что всё так быстро.

Серов: Вы ожидали, что будет иначе?

022-В: [пауза] Наверное. Я думал, что будет... [ищет слово]... ярче.

Серов: Ярче.

022-В: Ну, не знаю как сказать. Что-то изменится. Что будет что-то... важное. [пауза] А было просто — удар, он упал, и всё.

Серов: И вы постояли рядом.

022-В: Да.

Серов: Сорок секунд.

022-В: Не считал. Может быть.

Серов: Что вы делали эти сорок секунд?

022-В: [пауза] Смотрел.

Серов: На что?

022-В: На него.

Серов: Что вы думали, пока смотрели?

022-В: [очень долгая пауза. Около восемнадцати секунд.

Смотрит в сторону, потом снова на меня] Ничего, наверное.

Просто смотрел.

Серов: Вам не хотелось помочь ему?

022-В: [пауза] Нет.

Серов: Совсем не было такого импульса?

022-В: [думает] Нет. Не было.

Серов: Страшно не было?

022-В: Нет.

Серов: Ни капли?

022-В: [искренне, без бравады] Нет. Я не понимаю — чего

бояться.

Серов: Последствий. Что придут, задержат.

022-В: Ну, я понимал, что придут. [пауза] Но это... не то

же самое, что бояться.

Серов: Вы были готовы к последствиям.

022-В: Да.

Серов: И вас это не останавливало.

022-В: [пауза] Нет.

Он сказал это без гордости. Без бравады. Без философ-

ствования о своей исключительности. Просто — констатация. Последствия существуют. Они не являются причиной не делать того, что делаешь. Это не мужество. Это — отсутствие того страха, который у большинства людей работает как тормоз.

Тормоза не было. Не отказал — его не было.

Серов: Антон, я хочу вас спросить о чём-то другом. Вы жили один.

022-В: Да.

Серов: Давно?

022-В: Три года.

Серов: До этого — с родителями?

022-В: С матерью. Отец ушёл давно.

Серов: Вы с ним общаетесь?

022-В: Изредка. На праздники иногда пишет.

Серов: Вы отвечаете?

022-В: [пауза] Обычно да. Из вежливости.

Серов: «Из вежливости» — не потому что хочется?

022-В: Ну... [пауза] Не особенно хочется. Но это нормально — отвечать.

Серов: С матерью как?

022-В: Лучше. Звонит иногда. Я отвечаю.

Серов: Вы скучаете по ней?

022-В: [долгая пауза. Около восьми секунд] Наверное, нет. Не знаю.

Серов: У вас были друзья?

022-В: В школе были. Потом... [пауза] разошлись.

Серов: Почему?

022-В: [пожимает плечами — первый раз за беседу] Ну... не очень было что делать вместе. После школы.

Серов: Вы скучали по ним?

022-В: [думает] Нет. Не особенно.

Серов: Вам не бывает одиноко?

022-В: [долгая пауза. Около десяти секунд. Кажется, вопрос его удивил — не обидел, именно удивил] Ну... [пауза] Я не знаю, что такое одиноко. [пауза] Это когда хочется, чтобы кто-то был — а его нет?

Серов: Примерно.

022-В: [тихо] Тогда — нет. Не бывает.

Здесь — очень важный момент. Он не сказал «я привык быть один». Не сказал «мне хорошо одному». Он сказал: «я не знаю, что такое одиноко» — и уточнил определение, как человек, которому встретилось незнакомое слово. Одиночество как переживание было ему незнакомо не потому что он его преодолел или вытеснил. Просто — не было такого переживания. Нет потребности в другом — нет и боли от его отсутствия.

Серов: Антон, вы чем-то увлекались? Интересы, хобби.

022-В: [пауза] Программирование. Немного. Не на профессиональном уровне, просто — интересно было разбираться.

Серов: Что именно интересно?

022-В: Логика. Как всё устроено. Что из чего следует.

Серов: Это нравилось.

022-В: Да.

Серов: Что ещё?

022-В: [думает] Читал иногда. Научпоп, в основном. Физика, биология.

Серов: Художественную литературу?

022-В: Мало. Не очень интересно.

Серов: Почему?

022-В: [пауза] Там про людей в основном. Про отношения. [пауза] Это менее интересно, чем... как устроено что-то реальное.

Серов: Люди — менее интересны, чем реальные вещи.

022-В: [замечает коннотацию [дополнительное, эмоционально-оценочное значение слова], смотрит на меня] Ну, я не это имел в виду.

Серов: А что имели в виду?

022-В: [пауза] Что художественные книги — это выдуманное. А физика — это настоящее.

Серов: Физика людей вам интереснее, чем их истории.

022-В: [думает] Наверное, да.

Это не было попыткой уйти от ответственности через интеллектуализацию. Это была просто — его иерархия интересов. Механизмы интереснее нарративов. Устройство интереснее переживания. Это не патология сама по себе. Это — в сочетании с остальным — очень точный портрет.

Серов: Антон, я хочу вернуться к тому вечеру. Вы сказали — ожидали, что будет ярче. Что изменится что-то. Не изменилось?

022-В: [пауза] Нет.

Серов: Вы разочарованы?

022-В: [думает. Долго] Ну... наверное. Немного.

Серов: В чём разочарованы?

022-В: В том, что это... [долгая пауза, около пятнадцати секунд] не ответило. На вопрос.

Серов: На какой вопрос?

022-В: На тот, который был. Что это такое — убить. Как это.

Серов: И что?

022-В: [тихо] Так и не понял.

Серов: Что именно не поняли?

022-В: [смотрит в сторону] Что должен был почувствовать. [пауза] Ничего не почувствовал, по сути. Немного странно — и всё.

Серов: Антон, вы сейчас говорите о Волкове — о его смерти — как о эксперименте, который не дал нужного результата.

022-В: [пауза. Смотрит на меня] Я понимаю, что это звучит...

Серов: Как?

022-В: [ищет слово] Неправильно.

Серов: Неправильно — потому что это неправильно, или

потому что вы понимаете, что так говорить не принято?

022-В: [долгая пауза. Около двенадцати секунд. Это лучший вопрос беседы, и он это чувствует] [тихо] Второе. Наверное, второе.

Это был единственный по-настоящему честный момент беседы — честный не в смысле откровенности, а в смысле точности. Он не знает, что неправильно на уровне переживания. Он знает, что так говорить не принято. Это разные вещи, и он сам это различил.

Я почувствовал нечто, что потом назвал бы «холодным восхищением» — и немедленно остановился. Это была опасная реакция. Его точность в самоанализе — не добродетель. Это — симптом.

Серов: Антон, я хочу спросить вас напрямую. Вы жалеете о том, что сделали?

022-В: [очень долгая пауза. Около двадцати секунд. Смотрит в пол, потом в окно, потом на меня] Не знаю.

Серов: Попробуйте найти ответ.

022-В: [ещё пауза] Я понимаю, что он умер. Что это плохо. [пауза] Но жалею ли я... [пауза] Это другой вопрос.

Серов: Это другой вопрос?

022-В: Ну... жалеть — это значит хотеть, чтобы было иначе?

Серов: В том числе.

022-В: [тихо] Я не очень хочу, чтобы было иначе. И не очень хочу, чтобы было так же. [пауза] Это просто — было.

И теперь есть последствия. Я к ним готов.

Серов: Волков умер. Для него последствий больше нет — в обычном смысле. Для его семьи — есть.

022-В: [пауза] Да.

Серов: У него была жена. Двое детей. Внучка — три года.

022-В: [пауза около восьми секунд. Смотрит в сторону.

Потом обратно] Я не знал.

Серов: Теперь знаете.

022-В: [долгое молчание] Да.

Серов: Что вы сейчас чувствуете?

022-В: [очень долгая пауза. Около двадцати пяти секунд.

Первый раз за всю беседу что-то похожее на внутреннее усилие — не физическое, а направленное внутрь] [очень тихо]

Ничего.

[пауза]

022-В: Я пытаюсь. Но ничего.

Это был конец беседы по существу. Мы ещё говорили — о его планах, о том, понимает ли он, что произойдёт дальше юридически, о его отношении к нахождению в изоляторе. Он отвечал ровно, без колебаний.

Но главное было сказано здесь. В этом «ничего». И в том, что за ним последовало: «я пытаюсь».

Потому что это означало: он понимает, что должно быть что-то. Он ищет. И не находит. И он не лжёт — ни мне, ни себе.

Это было, пожалуй, страшнее, чем если бы он нашёл и

скрыл.

Конец записи. 13:10.

IV. Невербальный паттерн

Субъект физически почти неподвижен на протяжении всей беседы. Не нервничает, не ёрзает, не меняет позу. Сидит ровно, руки лежат на коленях или на столе. Это не контролируемая неподвижность — не та, которая выдаёт усилие удержания. Просто — нет импульса двигаться.

Зрительный контакт — непостоянный, но не избегающий. Смотрит на меня, когда слушает. Смотрит в сторону или вниз — когда думает. Никогда не смотрит агрессивно, провокационно или с попыткой «прочитать» собеседника. Взгляд — нейтральный. Примерно такой, каким смотрят в окно электрички: видят, но не цепляются.

Интонация практически плоская на протяжении всей беседы. Не монотонная в искусственном смысле — просто диапазон узкий. Как у человека, у которого слова несут информацию, но не аффект.

Реакции на ключевые слова:

— «Волков» — ноль реакции при первом упоминании; слабая задержка взгляда при упоминании имени в контексте семьи;

— «семья», «внучка» — восемь секунд молчания. Это единственный момент, когда пауза была вызвана не поиском

слов, а чем-то другим. Чем именно — неясно;

— «одинок» — искреннее удивление. Не обида, не защита — именно удивление. Как будто встретил незнакомый термин;

— «жалеете» — самая долгая пауза беседы. Двадцать секунд внутренней работы — и «не знаю».

Единственный выраженный невербальный сигнал — на слова «я пытаюсь, но ничего»: очень лёгкое, едва заметное движение мышц вокруг рта. Не гримаса, не усмешка. Что-то похожее на то, что бывает, когда человек не может открыть плотно закрытую дверь и на секунду это регистрирует.

V. Линии лжи и защиты

Субъект 022-В — один из немногих в моей практике, с кем стандартный анализ лжи и защитных механизмов почти неприменим. Не потому что он честен в обычном смысле, а потому что защищаться ему практически не от чего.

Защитные механизмы предполагают: есть что-то болезненное, тревожное, неприемлемое — и психика выстраивает барьер. Вытеснение, проекция, рационализация — всё это работает с аффектом, который нужно регулировать.

Аффекта, требующего регуляции, здесь почти нет.

Что есть:

Интеллектуализация как базовый способ обработки опыта. Он думает о произошедшем как о явлении, которое нуж-

но понять, а не пережить. Это не защита от переживания — это просто его способ работы с информацией. Явление интересно устройством, а не содержанием.

Когнитивное разделение «понимаю» и «чувствую». Он чётко различает эти два регистра и честен в том, что второй у него не работает так, как у большинства. Это не вытеснение. Это — осознанное наблюдение за собственным дефицитом.

Отсутствие нарратива самооправдания. Он не создаёт историю, в которой он жертва, герой или исключение. Он вообще не создаёт историй о себе. Это тоже нетипично — большинство людей в его положении активно конструируют смягчающий контекст. Он — нет. Не из честности как добродетели. Просто — нет потребности.

VI. Контрперенос специалиста

Личные рабочие заметки. М.А. Серов. Не для включения в официальное заключение.

Это была вторая беседа в рамках данного цикла экспертиз. После первой — с субъектом 014-А — я ожидал чего угодно: агрессии, манипуляции, театральности, примитивной лжи. Я не ожидал снова встретить тишину.

Но это была другая тишина.

У 014-А тишина была функциональной — он говорил ровно столько, сколько нужно для описания задачи, и замолкал, когда задача была описана. За его тишиной стояла завершённая.

За тишиной 022-В стояло что-то иное. Пустое простран-

ство — не враждебное, не защищённое. Просто пустое. Как комната, из которой убрали мебель, и звук в ней теперь не отражается так, как должен.

Первые сорок минут я работал нормально. Задавал вопросы, фиксировал ответы, строил следующий шаг. Стандартная клиническая процедура.

Потом что-то начало меняться.

Примерно на пятидесятой минуте я поймал себя на том, что начал говорить тише. Не намеренно — просто начал. Как будто нормальный голос в этом пространстве был избыточен. Как будто я подстраивался под его ритм.

Это был первый знак.

Второй — когда он сказал «не входил в то, о чём я думал» применительно к Волкову как человеку, я не почувствовал того, что обычно чувствую в таких местах. Не возмущения, не профессиональной холодности как противовеса — ничего особенного. Я просто записал. И пошёл дальше.

Это меня насторожило потом — уже не во время беседы. В момент беседы я не заметил.

На вопросе «вы жалеете» — когда он молчал двадцать секунд, а потом сказал «не знаю» — я должен был почувствовать что-то по отношению к Волкову. К его внучке, которой три года. К жене, которая его ждала.

Я думал об этом — как о факте. Не как о переживании.

Я записал в блокноте после беседы: «Проверить — не начал ли перенимать его способ обработки материала».

Слово «материал» я употребил применительно к Волкову. Потом зачеркнул. Написал: «человека».

Но слово «материал» пришло первым.

Именно это меня беспокоит больше всего после этой беседы. Не он. Я.

Самая тяжёлая беседа из двух проведённых — и не из-за того, что он сделал. Из-за того, как легко тишина становится заразной.

VII. Аналитическое резюме

Ведущий механизм: аффективный ноль — радикальная недостаточность внутренней репрезентации другого как переживающего субъекта.

Это принципиально важно отделить от нескольких клинически похожих, но принципиально иных состояний:

Не диссоциация. Диссоциация — это отщепление от аффекта, который в норме был бы доступен. Здесь аффект не отщеплён — его нет как структуры. Он не вытеснен за барьер — его нет в репертуаре.

Не психопатия в классическом смысле Хэра. Психопатический профиль предполагает: грандиозность, манипулятивность, отсутствие раскаяния при сохранной поверхностной обаятельности, паразитирование, склонность к доминированию. Ничего из этого здесь нет. Субъект не пытается произвести впечатление, не манипулирует, не использует окружающих в инструментальных целях. Он просто не нуждается в них — ни как в инструментах, ни как в субъектах.

Не депрессия с анергией. Депрессия — это страдание, пусть и не всегда выраженное. Здесь страдания нет. Нет и его отсутствия как потери. Он не производит впечатление человека, который что-то утратил. Он производит впечатление человека, у которого изначально не было того, что большинство людей считают само собой разумеющимся.

Клиническая картина, наиболее близкая к данному случаю:

Шизоидная организация личности с выраженным аффективным уплощением и глубоким дефицитом в сфере интерсубъективности — способности переживать другого как отдельный внутренний мир, существование которого реально и значимо.

Интерсубъективность — это не эмпатия в узком смысле. Это более фундаментальная способность: переживать, что за другим лицом есть внутреннее содержание. Что другой — не объект внешней среды, а субъект, у которого есть своя внутренняя реальность.

У субъекта 022-В эта способность, по всей видимости, никогда не была сформирована в достаточной мере. Не разрушена — не сформирована.

Мотивация:

Это самое сложное для описания.

Он убил не из ненависти. Не из страха. Не из желания вла-

сти. Не из идеологии. Не из садизма.

Он убил из любопытства. Из желания получить опыт, который был для него теоретически существующим, но субъективно недоступным.

Это не любопытство в обычном смысле — когда человек хочет узнать что-то, понимая, что это «что-то» связано с другим человеком. Это любопытство в отношении явления — как хотят понять природное явление. Гром, молния, падение предмета. Явление существует. Он хотел наблюдать его изнутри.

То, что явление требовало смерти другого человека, — не было для него барьером не потому что он это отверг. Этот барьер просто не возник. Нет репрезентации другого — нет барьера, основанного на ней.

Разочарование в результате:

Особенно значимо. Он ожидал, что получит опыт. Опыта не получил — или получил ничтожно мало. Это означает: даже в момент действия другой человек не стал для него более реальным. Убийство не «включило» в нём ничего, что было бы связано с Волковым как субъектом. Оно осталось на уровне наблюдения внешнего события.

Это, пожалуй, самый точный диагноз: Волков умер — и остался внешним событием. Не вошёл как чувство в голову.

Прогноз и риски:

Субъект не является агрессивным в структурном смысле. Он не испытывает влечения к насилию как к удовольствию. Но именно это делает прогноз труднее, а не легче.

Традиционные инструменты риск-оценки предполагают: есть влечение, есть триггер, есть контроль, и работа идёт с каждым из этих элементов. Здесь влечение нетипично: оно не связано ни с агрессией, ни с сексуальностью, ни с властью. Оно связано с любопытством — которое в принципе неисчерпаемо и плохо поддаётся коррекции.

VIII. Философская маргиналия

Ханна Арендт писала о «банальности зла» — наблюдая за Адольфом Эйхманом на иерусалимском процессе в 1961 году. Она ожидала увидеть монстра. Она увидела чиновника — человека без особых качеств, который просто выполнял функцию, не задаваясь вопросом о содержании этой функции.

Её открытие было неудобным: зло может быть не страстным, а пустым. Не идейным, а процедурным. Не личным, а административным.

Субъект 022-В — это другое. Арендтовская банальность предполагала наличие социальной среды, системы, давления — механизма, который позволял человеку не думать. Эйхман не думал, потому что система думала за него.

022-В думал. Он думал три месяца. Он провёл то, что сам назвал исследованием. Он действовал осознанно, самостоятельно, без принуждения, без системы, без идеологии.

И всё равно — другой человек не стал для него реальным. Это другой уровень проблемы. Не банальность зла — пустота зла.

Французский философ Эммануэль Левинас посвятил значительную часть своего труда одному вопросу: что делает другого человека — другим? Не объектом, не инструментом, не элементом среды, а именно другим, то есть субъектом, присутствие которого предъявляет мне требование.

Его ответ был: лицо. Не лицо как физиологический факт — глаза, нос, рот. Лицо как феномен: то, в чём другой открывается мне как уязвимый, как требующий ответа, как тот, кому я могу причинить вред и кто именно этим фактом уязвимости говорит мне: «не убий».

Это не метафора. Для Левинаса это — онтология. Другой существует для меня прежде всего как лицо, и лицо — это первый этический факт. До всякой нормы, до всякого закона, до всякого рассуждения.

Субъект 022-В прошёл мимо Волкова. Видел его лицо — физически. Ударил сзади — возможно, именно потому что спереди было лицо, и даже его ослабленный аппарат мог что-то почувствовать.

Потом постоял рядом. Сорок секунд. Смотрел.
И ушёл.

Лицо не стало для него тем, чем должно было стать по Левинасу. Не предъявило требования. Не сказала «не убий» — или сказала, но на языке, которого он не слышит.

Есть соблазн объяснить его патологией и на этом остановиться. Сказать: это редкий дефект, исключение, статистика.

Но есть другой вопрос, более неудобный.

Если интерсубъективность — способность переживать другого как внутренне реального — это не данность, а развивающаяся способность, то каковы условия её развития?

Исследования привязанности — Боулби, Эйнсворт, их последователи — показывают: ребёнок учится воспринимать другого как реального через опыт того, что другой воспринимает его самого как реального. Мать, которая отражает, — это зеркало, в котором ребёнок впервые видит себя как существо с внутренним состоянием. И через это — начинает видеть, что у матери тоже есть внутреннее состояние.

Если этого зеркала нет — или оно искажено, пусто, непоследовательно — ребёнок вырастает без этой базовой уверенности. Не только в себе. В другом.

Субъект 022-В рос с матерью, которая «звонит иногда». С отцом, который «пишет на праздники из вежливости». В комнате, где было «тихо».

Это не объяснение. Это — контекст.

Объяснение не снимает ответственности. Но контекст задаёт вопрос: где и когда это начинается? Не в момент преступления. Раньше. Значительно раньше.

Андрей Николаевич Волков вышел за хлебом.

Это была обычная январская вечерняя прогулка — те несколько минут, которые человек проводит между домом и

магазином, думая, наверное, о чём-то простом. О ужине, о телевизоре, о том, что нужно позвонить дочери.

Он не знал, что кто-то три месяца думал о нём — не о нём конкретно, а о явлении, для которого он случайно стал материалом.

Внучке три года.

Я пишу это здесь по той же причине, по которой написал про Людмилу в предыдущем протоколе. Потому что беседы устроены так, что постепенно начинаешь думать категориями. Механизмами. Структурами.

А они — люди.

Это нужно записывать. Чтобы не забывать.

Протокол № 022-В закрыт.

М.А. Серов

04.04.20—

Глава 3. Протокол № 031-Л. «Должник»

Протокол № 031-Л

Дата: 29.04.20—

Время начала: 10:15

Время окончания: 12:50

Место: ФКУ ИК-6, кабинет психологической службы № 2,
корпус административный

Основание: психологическая экспертиза в рамках апелляционного производства; оценка мотивационной структуры и степени осознанности действий; запрос адвоката Петровой И.В. в интересах осуждённого, согласованный со следствием; постановление № 512/АП

Участники: эксперт-психолог Серов М.А.; субъект 031-Л; сотрудник учреждения за стеклянной перегородкой

Запись: цифровой аудиофайл 031-Л_1, 031-Л_2, 031-Л_3; стенографическая расшифровка; рукописные пометки наблюдателя

Степень доступа: ограниченный, для служебного пользования

Примечание: субъект отбывает наказание девятый месяц. Осуждён. Апелляция подана по инициативе защиты на основании предполагаемого смягчающего обстоятельства — аф-

фактивного состояния в момент совершения преступления.

Предыдущие экспертизы аффект не подтвердили.

Настоящая беседа — попытка получить более полную психологическую картину.

I. Статус субъекта

Субъект 031-Л

Мужчина. 51 год. Уроженец Воронежа. Высшее техническое образование — инженер-строитель. Работал по специальности около двенадцати лет, затем — ряд попыток открыть собственное дело: строительная бригада, потом небольшая фирма по отделочным работам, потом — снова наёмный труд, прорабом на объектах. Последние три года до преступления — фактически без стабильного дохода: разовые подряды, перебои, долги. Женат, двое детей — сын двадцати трёх лет, дочь восемнадцати. Жена работала бухгалтером, фактически содержала семью последние два года. По показаниям жены и детей — в семье напряжение нарастало, но до открытых конфликтов доходило редко: субъект «держался», «не показывал», «говорил, что всё решится».

Статья / статьи:

ч. 1 ст. 105 УК РФ — убийство. Срок — двенадцать лет, общий режим.

Подтверждённые эпизоды:

Один. Жертва — Константин Дмитриевич Лавров, 58 лет, предприниматель, давний знакомый субъекта. Характер отношений: деловые, переросшие в приятельские около десяти лет назад. Лавров неоднократно помогал субъекту финансово — в том числе выдал беспроцентный заём в размере трёхсот восьмидесяти тысяч рублей за два года до преступления.

Предполагаемые эпизоды:

Отсутствуют.

Предварительная оценка структуры личности:

Нарциссическая организация с выраженной уязвимостью к переживанию стыда и несостоятельности. Самооценка нестабильная, зависящая от внешних маркеров успеха и признания. Защитный фасад компетентности и контроля — при внутренней хрупкости. Склонность к идеализации и последующему обесцениванию значимых фигур. Агрессия — не структурная черта, а реактивная: возникает в ответ на нарциссическую травму. Раскаяние — присутствует, но его природа требует уточнения: это раскаяние о поступке или о последствиях для себя?

Особые примечания:

Субъект охотно идёт на контакт. Говорит много, развёрнуто, с эмоциями. Это само по себе требует осторожности: многословие может быть подлинным переживанием — а мо-

жет быть формой контроля над беседой, способом заполнить пространство так, чтобы не дать добраться до чего-то более глубокого и болезненного. Необходимо отделить декларируемое раскаяние от структурного — проверить, есть ли за словами переживание другого как реального.

II. Фабула дела

Вечером 17 июля субъект 031-Л встретился с Константином Лавровым в кафе — по инициативе самого субъекта, формально «поговорить о делах». По данным записей с камер и показаниям персонала, встреча продолжалась около двух часов. Выпили. Поначалу разговор шёл нормально. Потом — судя по видеозаписи без звука — голоса повысились. Лавров что-то говорил, субъект — слушал, потом отвечал. Потом снова слушал.

Около одиннадцати вечера они вышли вместе. Прошли около ста метров до переулка за кафе. По версии следствия, субъект предложил «пройтись, подышать» — Лавров согласился. В переулке субъект нанёс несколько ударов — руками, потом подобранным с земли металлическим прутом. Лавров скончался на месте.

Субъект не убегал. Сел на бордюр рядом. Сидел около двадцати минут, пока не пришёл случайный прохожий. Прохожий вызвал скорую и полицию. Субъект не мешал, не нападал, сидел и — по показаниям прохожего — «смотрел в одну точку».

На первом допросе субъект сказал следователю: «Я не хо-

тел этого. Но он не должен был так говорить».

На вопрос «как говорить» — замолчал на несколько минут. Потом произнёс: «Как будто я ничего не стою».

Именно эта фраза стала для меня отправной точкой всей беседы.

III. Транскрипция беседы

Начало записи. 10:18.

Субъект вошёл быстро — не нервно, а энергично, как человек, привыкший входить первым и занимать пространство. Огляделся, кивнул мне. Пожал руку — крепко, с коротким взглядом в глаза. Сел, не дожидаясь приглашения. Положил руки на стол, сцепил пальцы. Это была поза человека, готового к разговору — почти к переговорам.

Серов: Валерий Степанович, спасибо, что согласились на эту беседу.

031-Л: Ну а что не согласиться. [пауза] Адвокат говорит — надо. Значит, надо.

Серов: Вы доверяете адвокату?

031-Л: Доверяю. Нормальная женщина. Работает. [пауза] Правда, я уже не очень понимаю, зачем всё это. Двенадцать лет — это двенадцать лет.

Серов: Апелляция — это шанс на пересмотр.

031-Л: [усмехается — не весело, а как-то устало] Я понимаю, что такое апелляция. Я уже девять месяцев понимаю много чего. [пауза] Ладно. Спрашивайте.

Серов: Валерий Степанович, я прочитал все материалы.

Но я хочу услышать от вас — не для протокола следствия, а для себя. Как вы сами понимаете то, что произошло?

031-Л: [долгая пауза. Около восьми секунд. Смотрит на сцепленные руки] Как понимаю. [пауза] Я понимаю так, что сломался. Что не выдержал. [пауза] Что это было неправильно. Что я не должен был — вот так.

Серов: «Вот так» — это как?

031-Л: Ну... убить его. [произносит это слово с усилием, как будто оно тяжёлое] Не должен был убивать. [пауза] Я вообще не думал, что способен на такое.

Серов: Не думали о себе — что способны.

031-Л: Нет. Я не... [пауза] Я не агрессивный человек. Никогда не был. Спросите жену, детей. Я в семье голоса никогда не повышал. Почти никогда.

Серов: «Почти» — бывало?

031-Л: [быстро] Ну, бывало. Редко. Это же нормально — иногда. Но не... не так. Не до такого.

Серов: Понятно. Валерий Степанович, расскажите мне про Лаврова. Не про тот вечер — пока. Про него как человека. Вы давно его знали?

031-Л: Лет десять, наверное. Может, чуть больше. Познакомились через общих знакомых — он тогда уже дело вёл, я только начинал свою фирму. [пауза] Нормальный был мужик. [пауза, интонация чуть меняется] В общем-то.

Серов: «В общем-то» — оговорка?

031-Л: [смотрит на меня] Нет, ну — нормальный. Про-

сто... [пауза] Сложный немного. Был.

Серов: Чем сложный?

031-Л: [думает. Подбирает слова тщательнее, чем до этого] Ну, он любил... напоминать. О том, что сделал. Понимаете? Вот поможет человеку — и потом, при случае, обязательно напомнит. Не грубо. Вскользь. Но — напомнит.

Серов: И вам напоминал.

031-Л: [пауза] Да. Периодически.

Серов: О деньгах?

031-Л: О деньгах. И... [пауза] о другом тоже.

Серов: О чём другом?

031-Л: [долгая пауза. Около десяти секунд. Взгляд уходит в сторону] Ну... он знал мои дела. Понимаете? Я ему рассказывал — мы дружили, я думал — это нормально. Рассказывал, как идёт, что не получается, где провалился. [пауза] А потом это... всплывало.

Серов: Как всплывало?

031-Л: [напрягается] Ну, вот, например, сидим с людьми. С общими знакомыми. И он говорит что-то вроде — «ну, Валера у нас человек опытный, через многое прошёл, правда, Валера?» И смотрит. [пауза] Улыбается.

Серов: И что в этом было для вас?

031-Л: [резко, первый раз с настоящей эмоцией] А то, что все понимали, что он имеет в виду! Что я облажался! Что у меня ничего не вышло! Что я его должник! [пауза. Берёт себя в руки] Извините.

Серов: Не нужно извиняться. Продолжайте.

031-Л: [тише] Ну вот... это и было сложно. Что он как бы дружески, а на самом деле — показывает. Всё время показывает.

Серов: Что показывает?

031-Л: [пауза. Говорит тихо и очень точно] Что я меньше него.

Вот оно. «Что я меньше него». Это — сердцевина. Не деньги. Не обиды в обычном смысле. Не конкретный поступок Лаврова. А это переживание — хроническое, накопленное, предельно личное: я меньше. Я меньше в его присутствии. Пока он существует — я меньше.

Я не торопился. Дал этому слову повисеть в воздухе.

Серов: Валерий Степанович, давно это было — ощущение, что вы меньше его?

031-Л: [долгая пауза. Около двенадцати секунд. Кажется, вопрос застал его врасплох — он ожидал, что я пойду в другую сторону] Давно. Да. [пауза] Наверное, с самого начала было — немного. Но вначале было — нормально. Он успешнее, ладно. У каждого своё. [пауза] А потом... когда у меня стало хуже... [пауза] Оно усилилось.

Серов: Когда у вас стало хуже — в делах?

031-Л: Да. Когда фирма закрылась. Когда пошли долги. [пауза] Вот тогда — да. [пауза] Рядом с ним было... тяжело. Стало тяжело.

Серов: Тяжело — как?

031-Л: [ищет слова] Ну... как будто... [долгая пауза, около пятнадцати секунд] Как будто в зеркало смотришь. Только в зеркале — не ты, а то, каким ты должен был стать. И не стал. [пауза] Понимаете?

Серов: Понимаю. Продолжайте.

031-Л: И при этом он рядом. И смотрит. И улыбается. И говорит вот эти свои вещи — «опытный», «через многое прошёл». [пауза] Это... это было невыносимо.

Серов: Невыносимо — это сильное слово.

031-Л: [смотрит на меня прямо] Это точное слово.

Я записал: «невыносимо — точное слово». Он прав. Это точное слово для того, что происходит, когда стыд достигает определённой интенсивности. Он перестаёт быть чувством — становится физическим состоянием. Человек буквально не может его выносить — держать внутри, продолжать функционировать.

Стыд в этом смысле принципиально отличается от вины. Вина говорит: я сделал плохое. Стыд говорит: я — плохой. Я — недостаточный. Я — меньше.

И пока рядом человек, который является живым носителем этого переживания — само его присутствие невыносимо.

Серов: Валерий Степанович, я хочу понять кое-что важное. Вы сказали — Лавров напоминал. Говорил эти вещи при людях. Он делал это специально, как вы думаете?

031-Л: [долгая пауза. Около восьми секунд] Вот это... [пауза]

уза] это я до сих пор не знаю.

Серов: Почему не знаете?

031-Л: Потому что... [пауза] Иногда думаю — специально. Что он понимал, что делает. Унижает. Показывает другим, кто здесь главный. [пауза] А иногда думаю — может, он вообще не думал об этом. Может, он просто говорил — по-своему это было дружески. А я... воспринимал иначе.

Серов: И какая версия вам кажется более вероятной?

031-Л: [очень долгая пауза. Около двадцати секунд. Смотрит в стол] Наверное... вторая. [пауза, голос тише] Наверное, он не думал плохого. [пауза] Это самое... это хуже всего, на самом деле.

Серов: Почему хуже?

031-Л: [тихо, почти про себя] Потому что если бы он делал это специально — он был бы плохим человеком. Мерзавцем. И я бы имел право злиться. [пауза] А если он просто... говорил. Просто такой был. [пауза] Тогда злился я на него — за то, каким он был. За то, что он успешный. За то, что у него получалось. [пауза] А это уже не его вина. Это моя.

Это был один из редких моментов в моей практике, когда человек сам — без давления, без наводящих вопросов — доходит до точки, от которой обычно бежит. До признания, что объект ненависти, возможно, не был виноват. Что ненависть была направлена не на реальные действия, а на само существование человека, которое делало тебя меньше.

Я дал этому повисеть. Не заполнял тишину.

Серов: Валерий Степанович, в тот вечер — в кафе. Что произошло? Что он сказал?

031-Л: [долгая пауза. Что-то меняется в позе — плечи чуть опускаются. Это не расслабление — это тяжесть] Мы разговаривали. Выпили немного. Я... я хотел поговорить о деньгах. О том, чтобы ещё немного отсрочить. [пауза] Он согласился. Сразу согласился — это не было проблемой, он не жадный был. [пауза] Но потом... он начал говорить.

Серов: О чём?

031-Л: [пауза. Голос становится тише и напряжённее] О том, что он беспокоится. Обо мне. Что видит, как мне тяжело. Что думает — может, мне поменять сферу. Что строительство — это не моё, может быть. Что у него есть знакомый, который берёт людей в продажи, и это может мне подойти. [пауза] Что он готов поговорить с ним.

Серов: Это звучит как забота.

031-Л: [резко, с болью] Это звучало как приговор.

Серов: Объясните.

031-Л: [голос дрожит — первый раз за беседу. Не истерически, а как бывает, когда долго сдерживаешь что-то тяжёлое] Он мне говорил — ты не справляешься. Ты не тянешь. Строительство — не твоё. Иди в продажи. [пауза] Я всю жизнь строитель. Я отец двоих детей. Я мужчина. А он сидит напротив — успешный, довольный — и объясняет мне, что мне надо идти продавать. Как мальчишке. [пауза] Как будто всё, что я делал двадцать лет — это было... [ищет слово]

несерьёзно.

Серов: И что вы почувствовали?

031-Л: [очень долгая пауза. Около двадцати пяти секунд. Он смотрит в стол, и я вижу, что что-то внутри него работает — не вспоминает, а переживает снова] Стыд. [пауза] Такой... [пауза] Такой стыд, что я не мог смотреть на него. [пауза] И злость. Одновременно.

Серов: Злость на него?

031-Л: [тихо] На него. На себя. На всё. [пауза] Я не знаю точно, на что. Это было всё сразу — и это было... [пауза] как будто что-то рвётся. Внутри.

Серов: Вы пытались остановиться?

031-Л: [долгая пауза] Я не знаю. [пауза] Я помню — мы вышли. Я предложил пройтись. [пауза] Я не знаю, зачем предложил. [пауза] Может, думал — свежий воздух, успокоюсь. [пауза] А может... [замолкает]

Серов: А может — что?

031-Л: [очень тихо] А может, уже тогда знал. [длинная пауза] Не знаю. Не знаю точно.

Серов: Валерий Степанович, вы говорите «что-то рвётся». Что именно рвалось?

031-Л: [долго молчит. Около тридцати секунд. Это самая долгая пауза беседы. Он не уклоняется — он внутри] [очень тихо] Терпение. [пауза] Нет, не терпение. [пауза] Что-то... что я держал. Долго держал. [пауза] Не только в этот вечер. Давно держал. [пауза] То, что я недостаточный. Что я не

справился. Что я подвёл семью. Что я должен ему денег. Что мне скоро пятьдесят два, а у меня ничего нет. [пауза] Вот это всё держал. Держал, держал — и в тот вечер оно... вышло.

Серов: И вышло — на него.

031-Л: [пауза. Говорит с трудом] Да. На него. [пауза] Хотя... он был, наверное, просто последним. Поводом. [пауза] А за ним было всё остальное.

«За ним было всё остальное». Это — клинически точная формулировка смещённой агрессии. Он убил не того, кто причинил ему наибольший вред. Он убил того, кто оказался в точке, куда собралось всё накопленное: годы несостоятельности, провалы, долги, унижение, невозможность смотреть на себя так, как он хотел. Лавров был последним носителем этого — и поплатился за всё.

Серов: Валерий Степанович, я хочу спросить о Константине Лаврове — как о человеке. Не в тот вечер. Вообще.

031-Л: [пауза] Ну... [пауза] Он был хорошим человеком. [говорит это как будто через силу, но говорит] Правда. Он помогал. Не только мне — многим помогал. [пауза] Щедрый был. Деньги давал без расписки, без процентов. [пауза] Жена его — приличная женщина. Дочка у них — хорошая девочка, я видел несколько раз. [пауза. Голос садится] Она маленькая ещё. Лет четырнадцать, наверное.

Серов: Вы думаете о его семье?

031-Л: [долгая пауза] Думаю. [пауза] Каждый день думаю. [пауза] Особенно — о дочке. [пауза. Голос ломается — не

слезами, а тем особым напряжением, когда слёзы держат изо всех сил] Что она без отца теперь. [пауза] Вот это... это я не могу... [замолкает. Долгая пауза] Это я не могу себе простить.

Серов: Что именно не можете простить?

031-Л: [тихо] Что она без отца. [пауза] Это уже не про деньги, не про обиды, не про то, что он говорил. Это — девочка без отца. [пауза] Из-за меня. [долгая пауза] Это я понимаю теперь. Понимаю — и ничего не могу с этим сделать.

Здесь — самый важный момент беседы с точки зрения оценки психологической структуры.

Он думает о дочери Лаврова. Каждый день. Эта мысль — не абстрактная, не декларативная. Она его задевает физически: голос меняется, тело напрягается.

Это — принципиально отличает его от субъекта 014-А, который про Людмилу сказал «неудобно получилось», и от субъекта 022-В, который «пытается» найти чувство и не находит.

Здесь — другое. Здесь другой человек реален. Дочка Лаврова реальна — не как категория, не как элемент ситуации. Как девочка, у которой нет теперь отца.

Это важно. Это не снимает вины. Но это показывает, что барьер, который должен был остановить, — он есть. Он был. Он просто не устоял перед лавиной того, что накапливалось годами.

Серов: Валерий Степанович, я хочу задать вам трудный

вопрос. Вы можете не отвечать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.